

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ ТОМ II

Барбара Джонсон. Письмо

Цели: Раскрыть суть обзорной статьи Б. Джонсон об истории становления теории Письма, объяснить положения теорий Р. Барта, Ж. Дерриды, Ж. Лакана и их вклад в названную теорию.

Ключевые слова: произведение, Текст, Письмо, Р. Барт, Ж. Деррида, Ж. Лакан, Л. Иригарэй, Э. Сиксу гендерные исследования, женское письмо.

Барбара Джонсон родилась в Бостоне, окончила Оберлин колледж в 1969 год. Защитила докторскую степень на французском языке в Йельском университете в 1977 году. Она была профессором английской и сравнительной литературы и профессором права и психиатрии в Гарвардском университете. В своих научных трудах она ставила вопросы о перспективах структурализма и постструктурализма, в том числе деконструкции, о психоанализе Лакана и феминистской теории, междисциплинарного изучения литературы.

Как ученый, преподаватель и переводчик Барбара Джонсон сделала теорию французского философа Жака Дерриды доступной для англоязычных читателей в Соединенных Штатах в то время, когда он только получил признание во Франции. Она пыталась эти аритмические, плотно-концентрированные тексты, все теорию постструктурализма довести до сознания американских студентов. И ей это удалось.

Она была связана с «Йельский школой» академической литературной критики. Важной чертой исследований литературы Барбары Джонсон является интеграция структуралистской и постструктуралистской теории Йельского университета.

Основная часть

В своей работе 1990 года «Письмо» («Writing») Барбара Джонсон излагает важность теории постструктурализма для анализа литературы. Она утверждает, что история «Письма» является важной философской, политической и психоаналитической концепцией французской мысли XX века. В своем эссе Джонсон дает обзор теоретических работ ведущих представителей постструктурализма (Жака Деррида, Мишель Фуко, Р. Барт).

Барбара Джонсон (цитата): Как получилось, что слово «письмо» стало критическим термином? Разве «письмо» просто не один из тех аспектов литературы, который можно считать само собой разумеющимся? Разве это не всего лишь способ, с помощью которого читатель сталкивается со словами на странице – например, это?

Нигде это более очевидно, чем в случае Письма. Таким образом, эссе о письме является замкнутым циклом: это попытка осмыслить то, как его понимают».

Затем Джонсон описывает основные роли, которые играют Деррида и психоаналитик Жак Лакан в теории Барта о связи между означающим и обозначенным и «структурой» языка.

В теории Жака Дерриды, Джонсон подчеркивает важный момент, что задача чтения – это не только понять истинное единственное значение текста, а понять его множественные значения, которые часто нестабильны и противоречивы. Эта многозначность позволила феминистским критикам в текстах находить места, где автор пытается «доминировать, стирать или исказить» различные «другие» утверждения, которые сделаны через язык и подтверждают их идентичность.

Барбара Джонсон (цитата): «Письмо стало термином философии, психоанализа и литературоведения во Франции в 1960-х годах, прежде всего благодаря работам Жака Дерриды, Ролана Барта и других авторов, которые в то время были связаны с журналом 'Tel Quel'. Филипп Соллерс, возглавлявший коллективный теоретический том группы, в «Программе», провозглашенной в 1967 году, писал: «Практика «Письма» остро нуждается во всесторонней теории». «Письмо», казалось, должно было стать ключевым для всех теоретиков понятием. Интерес к нему возник из разных сторон».

Далее Джонсон описывает работы, посвященные «Письму».

Б. Джонсон о роли работы «Нулевая степень Письма» Р. Барта

Первой работой, к которой обращается Барбара Джонсон является «Нулевая степень Письма» Р. Барта. Джонсон рассматривает литературоведческий постструктурализм Ролана Барта, понятие текстового анализа и принципиальные отличия Текста и Произведения. Она говорит, что творчество модернистов Флобера и Малларме, приговоривших своим творчеством классическую литературу к смерти, привели Р. Барта к его теории, в которой он обосновывает разницу между понятиями «Произведение» и «Текст».

Джонсон пишет: Согласно Барту, «Произведение» и «Текст» – это не два разных вида объекта, но два разных способа изображения написанного слова. В то время как литература рассматривается как серия дискретных и очень значимых великих произведений, Текст – это манифестация ничем не ограниченной, разноплановой, разрушительной силы, которая нарушает все запреты – сила, которая действует даже внутри самих великих произведений».

В работе «Нулевая степень Письма» Р. Барт пришел к методу деконструкции, суть которой заключается в выявлении внутренней противоречивости текста, в нахождении скрытых и невидимых не только читателем, но и ускользающих от самого автора смыслов. Она определяет, что легло в основу бартовской теории как методологическая база: «Теория Письма Барта обязана многим как марксизму, так и психоанализу. Но причастность авторов «Tel Quel» к марксизму и психоанализу приобретает определенную окраску, как ни странно, благодаря посредничеству сосюрговской лингвистики».

Затем Джонсон переходит к работам самого значимого французского философа, теоретика «Письма» Жака Дерриды к его работам «Письмо и различие», «Грамматика», «Речь и явления». Она оформляет их в сжатые тезисы: «Вклад Дерриды в этих работах заключается в переоценке принципов структурирования западной метафизики. Западная философия, – пишет Деррида, – проанализировала мир в терминах бинарных оппозиций: душа/тело, добро/зло, мужчина/женщина, наличие/отсутствие. Каждая из этих пар организована иерархически: первый член рассматривается как высший или лучший, чем второй. По словам Дерриды, оппозиция между Речью и Письмом была структурирована аналогично: речь рассматривается как непосредственность, присутствие, жизнь и идентичность, тогда как Письмо рассматривается как отсрочка, отсутствие, смерть и различие. Речь – первична; письмо – вторично. Деррида называет эту привилегию речи «логоцентризмом».

Теория Письма Дерриды оказывается, по сути, теорией чтения, «чтение» для Дерриды включает в себя следующие «другие» логики структур, обозначенных в письменной форме, которые могут или не могут соответствовать традиционной логике значения, идентичности, сознания или намерения. Оно предполагает серьезное рассмотрение элементов, которые стандартное чтение игнорирует, упускает или редактирует

Что значит вводить «пространство» в чтение? Для Малларме это означает две вещи. Это означает предоставление значимой функции существенности – пробелы, шрифты, размещение на странице, пунктуация – письма. И это также означает отслеживание синтаксических и семантических двусмысленностей таким образом, чтобы генерировать множественные, часто противоречивые значения из одного высказывания. «Значение» текста Малларме, как и сновидение, невозможно понять интуитивно в целом, но его нужно тщательно проработать, следуя каждой цепочке в сети отношений. То, что Деррида обобщает и анализирует в других работах, – это «промежуток», который Малларме пытается максимизировать.

Подобно тому, как Фрейд делал сновидения и речевые ошибки понятными, а не упускал их из виду как бессмыслицу или ошибку, так и Деррида видит силу в лакунах, зазорах, образах, повторах, отступлениях, разрывах, контрастах, амбивалентности текста. Когда вы пишете, это больше (или меньше), чем когда вы думаете. Задача читателя состоит в том, чтобы читать то, что написано, а не просто пытаться понять, что могло бы означать.

Деррида уделил пристальное внимание парадоксальной западной литературной традиции («Великие книги»), полной произведениями, в которых преимущественно используется монолог. Тщательно анализируя эти произведения, Деррида пытается раскрыть способы, которыми Великие Книги восстают против их собственного представления, что (монолог (речь)

лучше, чем письмо. Его анализ показывает, что даже тогда, когда текст пытается использовать монолог как непосредственность, он не может полностью устранить тот факт, что монолог, как и письмо, основан на двухмерности, означающем как «отсрочку», так и «разницу» между означающим и означаемым. Речь не передает непосредственного значения. Свойства, обычно связанные с Письмом, неизбежно входят в дискуссию, предназначенную для привилегии речи.

Так, например, хотя Соссюр хочет рассматривать речь как первичную и письмо как вторичную системы для понимания языка, он описывает язык как «словарь в голове» или как «линейный» – пространственный термин, более применимый к письму, чем к речи.

Поскольку разрыв неоднородности и расстояние является основополагающим для структуры языка, Деррида видит «речь» как окончательно структурированное, как «письмо». Этот акцент на написании как более оригинальной категории призван противостоять истории логоцентризма и отслеживать функционирование дифференциации в структурах значения.

Б. Джонсон о гендерном Письме

Далее Б. Джонсон расширяет рамки своего обзора. Она пишет о гендерных научных исследованиях, в которых изучение телесности, тишины, пространства и конфликтов в произведениях дало чрезвычайно продуктивные способы изучения политики языка. Если каждый текст рассматривается как представляющий серьезную претензию, которая пытается доминировать, стирать или исказить различные «другие» претензии (чьи следы, тем не менее, которые читатель обнаруживает). Такое «чтение» в его широком смысле глубоко вовлечено в вопросы гендера и власти.

Дискурс Конфликт и Власти (Авторитарности) был плодотворно изучен в гендерных исследованиях. Б. Джонсон в этом разделе останавливается на наиболее значимых гендерных исследованиях во французском и американском литературоведении. Она дает анализ трудов Элис Жардин, Элен Сиксу, Люс Иригарей, и американских авторов – Сандры Гилберт и Сьюзан Губар, Эдриенн Рич, Эдварда У. Саида.

Работа французской исследовательницы Элис Жардин «Генезис: Конфигурации женщин и современности» (1985) указывает, что если логоцентризм кодируется как «мужчина», «Другие», то логики амбивалентности часто кодируется как «женщина», и что критика логоцентризма может стать критикой «фаллоцентризма».

Джонсон анализирует работу Элен Сиксу, французского постструктуралиста, писательницы и литературного критика, теоретика феминистского литературоведения, которая предложила концепцию «женского письма», трансгрессивного по своей природе и противостоящего фаллоцентризму традиционного мужского текста.

А также работы французского философа и психоаналитика Люс Иригарей. Эти две исследовательницы попытались определить специфику биологической и идеологической разницы женского Письма.

Люс Иригарей – французский лингвист, психоаналитик и феминистский философ, которая исследовала проблему «язык и гендер».

Получила образование в Бельгии в Католическом университете в Левене, а затем в Парижском университете VIII (Венсен), где в 1968 году она защитила докторскую степень по лингвистике.

В 1960-х годах она обучалась психоанализу в Парижской школе фрейдизма, основанной в 1964 году философом и психоаналитиком Жаком Лаканом. Публикация ее второй докторской диссертации (по философии), «Зеркало другой женщины» («Speculum of the Other Woman»), в которой она была крайне критична к психоанализу Фрейда и Лакана. Это привело к ее увольнению из Венсен и Фрейдовской школы психоанализа. Но тем не менее Иригарей получила научно-исследовательскую позицию в Национальном центре научных исследований в Париже.

Иригарей известна своей теорией «сексуальной разницы», согласно которой предположительно бесполое понятие субъекта, или эго в западной философии и психоаналитической теории тонко отражает интересы и перспективы мужчин.

Работа Иригарей по языку обширна и охватывает множество методологических проблем, включая эмпирические исследования речи мужской и женской. Иригарей иллюстрирует влияние «завуалированной маскулинности», присутствующей в доминирующей лингвистической системе. Ее обширные эмпирические исследования связаны с философией и лингвистикой. Вот несколько ее наблюдений:

- Мужчины чаще, чем женщины, назначают себя в качестве ораторов, более склонны «выступить от имени».
- Женщины чаще, чем мужчины, используют диалогическую структуру.
- Женщины чаще, чем мужчины, характеризуют различия как положительные, а женщины чаще используют опросы.

Иригарей утверждает, что в западной культуре нет подлинной гетеросексуальности, потому что культура представляет или культивирует только мужчину как субъекта, а не женщину. Особенно это касается права, религии, политической теории, философии и искусства. Исследователь утверждает, что женщина стоит «вне» дискурса, что кругом доминирует мужчины, мужской мир, а женщина как бы вне логоса. Она утверждает, что нам нужно вернуться к досократической концепции мира, поскольку именно в этот момент женщина еще не была стерта из культуры. Иригарей прослеживает происхождение в сократическом мышлении через понятие «истина».

Иригарей считает, что обществу необходима гендерная культура и этика. Она считает, что ее работа состоит из трех этапов: первая фаза – доказать, что в западном дискурсе доминирует мужской субъект; во второй фазе – создать возможности для равноправия женского субъекта; а третий направлен на развитие социальных, правовых и этических условий, необходимых для гендерного равенства.

Хотя Э. Сиксу, Л. Иригарэй и другие работают над отношениями между Письмом и телом, многие феминистки по обе стороны Атлантики были заинтересованы в гендерных последствиях отношений между Письмом и Молчанием.

В работе «Безумная в мансарде» (1979) Сандры Гилберт и Сьюзан Губар показано, как женщины-писатели XIX века борются против Молчания, которое уже было предписано им патриархальным языком, которым они должны были пользоваться и трансформироваться.

Сандра М. Гилберт – профессор в Университете Калифорнии (Дэвис) – американский литературовед и поэт, вместе со Сьюзан Губар опубликовала труд в области феминистской литературной критике, широко известный как текст, центральный для феминизма второй волны. В работе особое внимание уделяется изображению женской идентичности в прозе и поэзии женщин-писательниц XIX века.

Книга «Безумная в мансарде» (эту книгу еще переводят на русский язык как «Сумасшедшая на чердаке») берет свое название из романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр», в котором безумную жену Эдварда Рочестера держат взаперти в мансарде. Авторы исследуют творчество писательниц XIX века. Основными объектами исследования являются книги Джейн Остин, Мэри Шелли, Эмили Бронте, Джордж Элиот, (псевдоним писательницы Мэри Энн Эванс), Элизабет Барретт Браунинг, Кристины Россетти и Эмили Дикинсон.

Первое, что Сандра Гилберт и Сьюзан Губар отмечают, что, поскольку женщинам в прошлых веках не хватало авторитета, они изо всех сил пытались заявить о своей собственной идентичности в качестве авторов. Исследователи выделили в литературе Викторианской эпохи два наиболее часто повторяющихся типа женщины. Это были самые распространенные и контрастные женские характеры.

Это женщина-ангел и женщина-чудовище. Ангельская женщина была существом пассивным, домашним и покорным. Эти женщины в литературе XIX века часто изображались как заключенные в тюрьме, они были воплощением морали и добродетели. Женщины же, которые нарушали условия заключения и покорности и играли активную роль, например, становились писательницами, были чудовищами. Они составляли вторую часть этой бинарной оппозиции: ангел / чудовище.

Женщина-монстр выходила за рамки социальных конвенций, чтобы быть независимой личностью и творцом. «Безумная в мансарде» быстро стала классикой феминистской литературной критики.

Следующий автор, о ком говорит Барбара Джонсон, это Адриенн Рич – американская поэтесса, ученый и критик, чья произведения демонстрирует ее приверженность женскому движению и ЛГБТ.

Адриенн Рич называют одним из лучших американских поэтов нашего времени. Она в своем творчестве говорит о возможностях, которые практически не изучались, о правах людей с нетрадиционной ориентацией.

На протяжении всей своей жизни Рич преподавала в нескольких колледжах и университетах – в Высшей школе искусств Колумбийского университета, в Колледже городского университета в Нью-Йорке, в Университете Брандейса, штат Массачусетс.

Адриенн Рич работала преподавателем и писала стихи. В 1999 году она была избрана канцлером Академии американских поэтов, получив в 1996 году свою премию «Таннинг» за мастерство в искусстве поэзии (премия Уоллеса Стивенса).

Она была также лауреатом почти всех крупных литературных премий, в том числе, первой премии поэзии Рут Лилли (1986), премии «Общее богатство в литературе» (1991), премии «Национальная поэтическая ассоциация за выдающееся служение искусству поэзии» (1989), Медаль «Морозовое серебро» за достижения в жизни (1992 год), «Стипендия МакАртура» (1994 год), «Награда за достижения в жизни Ланнана» (1999 год) и «Премия Болингенса за поэзию» (2003 год)

В 1951 году Рич опубликовала свою первую книгу поэзии «Смена мира», которая получила немедленное признание. Действительно, поэт В.Х. Оден выбрал его для публикации в Йельской серии молодых поэтов, что само по себе является большой честью.

Говоря о ее ранних произведениях, критики используют такие слова, как «элегантный» и «контролируемый». У нее была эта комбинация непревзойденного мастерства и таланта.

«Когда движение за гражданские права появилось в конце пятидесятых, начале шестидесятых годов, – сказала Рич в интервью в 1991 году, – и я впервые услышала голоса женщин афро-американского происхождения, описывающих свою жизнь и истории, конкретные проблемы чернокожих людей Америки, такие как сегрегация, расизм. Это было похоже на поиск языка для чего-то, им нужен был свой язык для описания всего этого. Впервые я услышала язык угнетенных. И это было огромным облегчением, хотя у меня возникло множество вопросов, и главный: где я сама нахожусь среди всего этого».

В течение шестидесятых и 1970-х годов Адриенн Рич все больше стремилась к женскому движению и к феминизму, она открыто признала свою нетрадиционную ориентацию. Такие сборники, как «Дайвинг в обломках: стихи 1971-1972» (1973) и «Сон об общем языке: стихи 1974-1977» (1978), выражают гнев на социальную концепцию женственности.

В таких более поздних сборниках, как «Полуночное спасение: стихи 1995-1998» (1999), «Волк: Стихотворения 1998-2000 (2001)» и «Школа среди руин»: стихи 2000-2004 (2004), Рич обратила свой взгляд на такие социальные проблемы как война в Ираке.

Рич также написала несколько книг по литературоведению. «Рождение женщины. Материнство как опыт и институт» (1976), в котором она сочетает научные исследования с личными размышлениями о том, что такое быть матерью. В книгах «Что там находят: тетради по поэзии и политике» (1993), «Искусство возможного: очерки и разговоры» (2001) и «Человеческий глаз»: «Очерки об искусстве в обществе», 1997 – 2008 (2009), Адриенн Рич затронула многие проблемы, связанные с человечеством.

Рич отказался от Национальной медали искусств в 1997 году, публично заявив, что политика администрации Билла Клинтона противоречит ее идеям об искусстве.

Адриенн Рич исследует следы женского молчания в сборнике эссе о женщинах афро-американского происхождения «О лжи, секретах и тишине» (1979). Эти и другие произведения имеют в качестве своей целью попытку прочитать подавленные, искаженные или замаскированные сообщения, которые закодированы в женском Письме.

Они требуют иной стратегии чтения, которая выходит за рамки кажущихся намерений или поверхностных значений, чтение, которое в полной мере использует способность писать, чтобы сохранить то, что еще нельзя, возможно, расшифровать.

В работах западных мужчин-исследователей часто исследовались молчание, оскорбление или идеализация не только женщин, но и других «других». Так, Эдвард У. Саид в «Ориентализме»

(1978) анализирует дискурсы научных, текстов политики, текстов искусства, в которых «Восточный европеец» идентифицируется как «Другой европеец». Читая зерна писательских интенций, Э. Саид показывает, что европейскую доброжелательность и благорасположенность можно объяснить угнетением и эксплуатацией, вписав их в дискурсе просвещения.

Заключение

Джулия Ривкин, Майкл Райан, подводя итога в предисловии к эссе Э. Джонсон, отмечают: «Американская школа деконструктивной критики начала разиваться в работах Жака Дерриды. Его ведущими сторонниками были Пол де Ман и Дж. Хиллис Миллер. В то время как Деррида стремился вытеснить положения метафизики в философии, эти критики были обеспокоены дислокацией наивных предположений о значении в литературных текстах. Тексты являются фигуральными или риторическими, и они бесконечно ссылаются на другие тексты, а не на осознанное присутствие истины или на определяемые значения, которые, как предполагали новые критики, считаются «универсальными». В этом эссе Барбара Джонсон, ученик де Мана и сама ведущая практика американской деконструкции, объясняет, как французские теории «Письма» связаны с деконструкцией».

Вопросы:

1. Кто стоит у истоков теории «Письма»?
2. В чем отличие произведения и Текста, согласно Р. Барту?
3. Какие философские учения лежат в основе теории Письма?
4. Чем отличается Письмо в классической литературе и литературе модернизма?
5. Определите значение трудов Ж. Дерриды для теории Письма.
6. Чем отличаются гендерные исследования от других типов исследований?
7. Труды каких исследователей значимы в гендерном литературоведении?
8. В чем заключаются особенности женского Письма?

Литература:

1. Автономова Н. Философский язык Жака Дерриды.
2. Р. Барт Нулевая степень письма. СПб.: Академический проект, 2008.
3. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.
4. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000
5. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб.: Алетейя, 1999.
6. Элен Сиксу Смех медузы // интерне-ресурс. Код доступа: <https://www.twirpx.com/file/2138615/>
7. Люс Иригарэй Этика полового различия / Пер. с франц. яз.